

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕДАКЦИЙ ПОСТНОЙ ТРИОДИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НИКОНОВСКОЙ И СЕРГИЕВСКОЙ ТРИОДЕЙ

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ МОРОЗОВ

СТУДЕНТ МАГИСТРАТУРЫ СРЕТЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (МОСКВА)
MOROZOVANDREY2000@YANDEX.RU

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются лингвистические и богословские особенности Никоновской и Сергиевской редакций Постной Триоди на примере первых трех антифонов утрени Великого Пятка. Анализ проводится на уровне лексики, синтаксиса и морфологии, с акцентом на стремлении Сергиевской редакции к языковой адаптации при сохранении богословского содержания. Отмечаются ключевые смысловые сдвиги, отражающие изменение акцентов в восприятии евангельских событий. Исследователь выявляет, как редакторская практика отражает живое литургическое предание, сочетающее верность традиции с необходимостью языкового обновления, направленного на более глубокое восприятие текста современными верующими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Постная Триодь, Никоновская редакция, Сергиевская редакция, патриарх Сергий, литургический текст, богословие, церковнославянский язык, антифоны, Великий Пяток, лингвистический анализ, синтаксис, редакторская практика.

PRACTICAL THEOLOGY

LINGUISTIC AND THEOLOGICAL FEATURES OF THE EDITIONS OF THE LENTEN TRIODION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NIKON AND SERGIEV TRIODION

ANDREY SERGEEVICH MOROZOV

A GRADUATE STUDENT OF THE SRETENSKY THEOLOGICAL ACADEMY (RUSSIA, MOSCOW)
MOROZOVANDREY2000@YANDEX.RU

ABSTRACT. The article examines the linguistic and theological features of the Nikon and Sergiev editions of the Lenten Triodion using the example of the first three antiphons of the Great Heel Matins. The analysis is carried out at the level of vocabulary, syntax and morphology, with an emphasis on the desire of the Sergiev editorial staff for linguistic adaptation while preserving the theological content. Key semantic shifts are noted, reflecting a change in accents in the perception of evangelical events. The researcher reveals how editorial practice reflects a living liturgical tradition that combines fidelity to tradition with the need for linguistic renewal aimed at a deeper perception of the text by modern believers.

KEYWORDS: Lenten Triodion, Nikon edition, Sergius edition, Patriarch Sergius, liturgical text, theology, Church Slavonic language, antiphons, Great Heel, linguistic analysis, syntax, editorial practice.

Историко-литургический контекст

История богослужебных книг Русской Православной Церкви представляет собой сложный процесс, который включал в себя несколько редакций. Особое значение в этом процессе имела книжная справа, проводимая патриархом Никоном в середине XVII века, результатом которой стало появление исправленных богослужебных книг, используемых и по сей день [Успенский 2002: 315–317].

Не менее важным этапом в процессе исправления литургических текстов в XX веке стала редакторская деятельность патриарха Сергия (Страгородского), который создал новую версию богослужебных книг, в том числе Постной Триоди [Кравецкий, Плетнева 2001: 183–194].

Сравнительный анализ этих редакций представляет особый предмет изучения как в лингвистическом, так и в богословском аспектах. Изменения в текстах отражают не только эволюцию языка и стремление приблизить его к пониманию современниками, но и определенные богословские акценты.

В настоящем исследовании предпринимается попытка небольшого сравнительного анализа текстов Никоновской и Сергиевской редакций Постной Триоди на примере первых трех антифонов последования утрени Великого Пятка. Выбор данных примеров обусловлен особой богословской насыщенностью текстов, посвященных важнейшему событию литургического года — воспоминанию крестных страданий Спасителя [Лозовая 2009: 65–69].

Лексико-богословский анализ первого антифона

Одной из наиболее характерных черт Сергиевской редакции Триоди является последовательная замена архаичных лексем и сложных конструкций более понятными. Такие изменения в основном направлены на упрощение синтаксиса при сохранении его богословского содержания [Кравецкий 2000: 45–58].

Итак, видно вариативное чтение *пожрём Егѡ рáди — в жёртву дадѣм за негѡ*. В Никоновской Триоди используется слово *пожрём*, что означает «принесем в жертву» [Словарь СРЛЯ 1960: 746]. Этот

глагол происходит от инфинитива *пожрѣти* и выражает идею полного уничтожения ради чего-либо [Словарь русского языка 1990: 102].

Антифон 1	
Никоновская Триодь	Сергиевская Триодь
<i>Чувствія наша чїста Христови представим, и яко друзи Егѡ, дѹши наша пожрѣм Егѡ ради, и не попечѣньми житѣйскими соугнетѣмся яко Иѹда, но в клѣтах наших возопїим: Отче наш, Иже на небесѣх, от лукаваго избѣви нас.</i>	<i>Чувствія наша чїста Христови представим, и яко друзи Егѡ, дѹши наша в жѣртву дадїм за негѡ, и не соугнетѣмся попечѣньми житѣйскими яко Иѹда, но в клѣтах наших возопїим: Отче наш, Иже на небесѣх, от лукаваго избѣви нас.</i>

Слова *Егѡ ради* (ради Него) указывают на причину, ради которой совершается это действие.

В Сергиевской редакции вместо одного глагола используется описательное выражение *в жѣртву дадїм*, а вместо *Егѡ ради* — *за Негѡ*. Такая замена делает текст более понятным. Предлог *за* также более привычен для современного человека, чем древнее *ради*. Несмотря на некоторые разночтения, оба текста сохраняют единую мысль — жертвенный характер земного служения Христа [Михайлов 1912: 371–375].

Лексико-богословский анализ второго антифона

При сравнении текстов второго антифона обнаруживаются два заметных различия.

Антифон 2	
Никоновская Триодь	Сергиевская Триодь
<i>Течѣ глаголя Иѹда беззакѡнным книжником: что мне хощете дѣти, и аз вам предѣм Егѡ? Среди же совещаѹщих Сам стоял еси невидимо совещаѣмый: Сердцевѣдче, пощадї дѹши наша.</i>	<i>Течѣ Иѹда, глаголя беззакѡнным книжником: что мне хощете дѣти, и аз вам предѣм Егѡ; посреде же совещаѹщих Сам стоял еси невидимо совещаѣмый. Сердцевѣдче, пощадї дѹши наша.</i>

Первое различие — это разночтение *течѣ глаголя Иуда* и *течѣ Иуда* (*глаголя* в редакции патриарха Сергия). В никоновской Триоди используется инверсивный порядок слов, при котором причастие *глаголя* предшествует существительному *Иуда*. Такой синтаксис характерен для церковнославянского текста, поскольку он восходит к греческому оригиналу [Верещагин 1997: 124–128]. В данном порядке слов акцент делается на действии говорения, что указывает на поспешность и настойчивость предательства.

В Сергиевской редакции происходит перестановка существительного *Иуда* и глагола *течѣ*. Такое изменение отражает тенденцию приближения богослужебного текста к языковым нормам, понятным для молящихся. Подобные исправления направлены на улучшение ритмико-синтаксической структуры текста и делают его более естественным для произношения и восприятия.

Второе различие обнаруживается в замене *средѣ же совещающихся* на *посредѣ же совещающихся*. В Никоновской Триоди используется наречие *средѣ* с причастием настоящего времени *со совещающихся*. Данная форма причастия указывает на действие, происходившее до основного действия, выраженного перфектом *стоял еси*.

В Сергиевской редакции произведены два изменения: наречие *средѣ* заменено на более архаичную форму *посредѣ*, а причастие настоящего времени *со совещающихся* (образовано от глагола *со совещаѣти*) заменено причастием настоящего времени *со совещающихся* (образовано от глагола *со совещаѣти*). Такая замена создает контраст между возвышенным стилем повествования и низостью предательства Иуды [Пентковский 2001: 231–235].

Изменение причастий на настоящее время показывает, что Христос присутствует среди заговорщиков непосредственно в момент их совета, что усиливает драматизм ситуации и точнее соответствует евангельскому повествованию. Это также свидетельствует о всеведении Христа, Который знает о предательстве уже в момент его планирования [Всеволод (Филипьев) 2006: 156–158].

Лексико-богословский анализ третьего антифона

В третьем антифоне при сравнении также обнаруживается несколько значимых различий.

Первое заключается в изменении *притворѣние преданія вѣдѣй* — *умышлѣние преданія вѣдѣй*.

Антифон 3	
Никоновская Триодь	Сергиевская Триодь
<i>На вѣчери ученикѣ питая, и притворѣние преданія вѣ- дѣй, на ней Иуду обличил еси, неисправленна ѹбо сегѣ вѣдѣй, познати же всем хотѣя, яко вѣлю предался еси, да мир исхитиши от чуждѣго. Долго- терпеливе, слава Тебѣ.</i>	<i>На вѣчери ученикѣ питая, и умышлѣние преданія вѣдѣй, на ней Иуду обличил еси, вѣдѣй ѹбо сегѣ несправима, хотя же, да вси познают, яко вѣлю пре- дался еси, да мир исхитиши от чуждѣго. Долготерпеливе, слава Тебѣ.</i>

В Никоновской Триоди используется существительное *притворѣние*, происходящее от глагола *притворити* (лицемерить) [Словарь СРЛЯ 1960: 796–797]. Данная лексема указывает на неискренность Иуды, показывая его двуличность в отношении Христа. Такая формулировка обращает внимание на внешнее поведение Иуды, который скрывал свою настоящую цель [Флоровский 1983: 243–245].

Использование слова *умышлѣние* в редакции патриарха Сергия более точно отражает идею сознательного выбора зла. Такая формулировка указывает на то, что предательство Иуды было не минутной слабостью или результатом внешнего влияния, а осознанным решением.

Второе различие наблюдается в перестановке и изменении формы *неисправленна ѹбо сегѣ вѣдѣй — вѣдѣй ѹбо сегѣ несправима*.

В Никоновской Триоди используется причастие прошедшего времени страдательного залога *неисправленна* в винительном падеже, которое указывает на состояние Иуды как человека, не сумевшего побороть страсть сребролюбия. Порядок слов в данной конструкции ставит определение *неисправленна* перед существительным, к которому оно относится [Алексеев 1999: 173–175].

В Сергиевской редакции наблюдается два изменения. Во-первых, меняется порядок слов: причастие *вѣдѣй* (знающий) [Словарь СРЛЯ 1951: 109–112] выносится на первое место. Во-вторых, причастие *неисправленна* заменяется причастием *несправима* в форме винительного падежа.

Подобные корректировки в тексте приводят к небольшим смысловым изменениям. Замена причастия на прилагательное указывает на укорененность греха в Иуде, его нежелание бороться с пороком и сознательное противление благодати [Дмитриевский 1884: 412–418].

При этом обе версии показывают, что Христос знает о будущем предательстве, но все равно допускает Иуду к Вечере, чтобы через это исполнить дело спасения рода человеческого [Алфеев 2005: 153].

Обобщение:

лингвистические и богословские закономерности

Сравнительный анализ текстов Никоновской и Сергиевской редакций Постной Триоди на примере антифонов Великого Пятка позволяет выделить следующие закономерности редакторской работы.

На лексическом уровне наблюдается замена архаизмов и сложных конструкций более понятными современному молящемуся аналогами, а также замена эквивалентных лексем с целью более точного выражения богословской мысли.

На синтаксическом уровне прослеживается тенденция к упрощению инверсивного порядка слов и приближению синтаксиса к нормам современного русского языка.

На грамматическом уровне наблюдается уточнение временных отношений через изменение форм глаголов и причастий, а также замена архаичных падежных форм более современными.

В богословском аспекте выделяются тенденции к усилению акцента на активной роли человека в духовной жизни, более точному выражению христологических аспектов и усилению нравственно-этической оценки действий Спасителя, учеников и Иуды.

Редакторская деятельность патриарха Сергия (Страгородского) представляет собой пример богослужебной книжной sprawy, направленной на адаптацию литургических текстов к языковому сознанию современников при сохранении богословского содержания.

Такая адаптация является проявлением живого литургического предания Церкви, которое, оставаясь неизменным в своей сущности, может видоизменяться в формах выражения.

Изменения, внесенные в тексты Постной Триоди в ходе редакторской правки, делают богослужебный текст более доступным для понимания, не нарушая при этом его богословскую глубину и литургическую целостность. Это позволяет современным молящимся более полно воспринимать богатство литургического предания Церкви и применять его в своей духовной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
- Алфеев П., прот. Иуда-предатель. М.: Лепта, 2005. 233 с.
- Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 314 с.
- Всеволод (Филипьев), ин. Путь святых отцов: патрология. Jordanville, NY: Holy Trinity monastery, 2006. 639 с.
- Дмитриевский А. А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Ч. 1. Казань: Типография имп. ун-та, 1884. 434 с.
- Кравецкий А. Г. Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2000. С. 45–58.
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX век). М.: Языки русской культуры, 2001. 398 с.
- Лозовая И. Е. Древнерусский нотированный Параклит XII века. М.: Московская консерватория, 2009. 156 с.
- Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1912. 460 с.
- Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. 428 с.
- Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 295 с.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 2. М.-Л.: Наука, 1951. 1395 с.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 10. М.-Л.: Наука, 1960. 1775 с.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII века). М.: Аспект Пресс, 2002. 559 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1983. 848 с.
-

REFERENCES

- Alekseev A. A. *Tekstologiya slavyanskoi Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg: D. Bulanin Publ., 1999. 254 p. (In Russ.)
- Alfeev P., priest. *Iuda-predatel'* [Judas the Traitor]. Moscow: Lepta Publ., 2005. 233 p. (In Russ.)
- Dmitrievskii A. A. *Bogosluzhenie v russkoi tserkvi v XVI veke* [Divine service in the Russian church in the 16th century]. Vol. 1. Kazan: Printing House of the Imperial University Publ., 1884. 434 p. (In Russ.)

- Florovskii G. V. Puti russkogo bogosloviya [Paths of Russian Theology]. Paris: YMCA-Press, 1983. 848 p. (In Russ.)
- Kravetskii A. G. Lingvisticheskie i tekstologicheskie standarty sinodal'nykh tipografii [Linguistic and textual standards of synodal printing houses] // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2000. P. 45–58. (In Russ.)
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. Istoriya tserkovnoslavlyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX — XX vek) [History of the Church Slavonic language in Russia (late 19th-20th centuries)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 398 p. (In Russ.)
- Lozovaya I. E. Drevnerusskii notirovannyi Paraklit XII veka [Old Russian notated Paraclete of the 12th century]. Moscow: Moscow Conservatory Publ., 2009. 156 p. (In Russ.)
- Mikhailov A. V. Opyt izucheniya teksta knigi Bytiya proroka Moiseya v drevneslavlyanskom perevode [An Experience of Studying the Text of the Book of Genesis of the Prophet Moses in the Old Slavonic Translation]. Warsaw: Printing house of the Warsaw Educational District Publ., 1912. 460 p. (In Russ.)
- Pentkovskii A. M. Tipikon patriarkha Aleksiya Studita v Vizantii i na Rusi [Typikon of Patriarch Alexius the Studite in Byzantium and Rus]. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2001. 428 p. (In Russ.)
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Vol. 16. Moscow: Nauka Publ., 1990. 295 p. (In Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. In 17 vol. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1951. 1395 p. (In Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. In 17 vol. Vol. 10. Moscow: Nauka Publ., 1960. 1775 p. (In Russ.)
- Uspenskii B. A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII veka) [History of the Russian literary language (XI–XVII centuries)]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2002. 559 p. (In Russ.)
- Vereshchagin E. M. Istoriya vozniknoveniya drevnego obshcheslavlyanskogo literaturnogo yazyka: perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov [The history of the emergence of the ancient common Slavic literary language: The translation work of Cyril and Methodius and their disciples]. Moscow: Martis Publ., 1997. 314 p. (In Russ.)
- Vsevolod (Filip'ev), monk. Put' svyatykh ottsov: patrologiya [The Path of the Holy Fathers: Patrology]. Jordanville, NY: Holy Trinity monastery Publ., 2006. 639 p.